

НАШЕ НОВОЕ ВСЁ

Ирина Медведева

Не берёмся точно определить когда, но полвека-то уж точно здоровье стоит в ряду основных ценностей человеческой жизни. А в последние годы всё уверенней претендует на место самой главной ценности. Раньше про здоровье любили порассуждать главным образом старики. Сейчас даже пятилетние дети, подражая взрослым, желают друг другу крепкого здоровья. А взрослые так прямо освоили неизвестно кем придуманную формулу. И в телефонных разговорах, и на перронах вокзалов, и в застольях — везде, где надо выразить дружеское расположение, звучит одно и то же: «Главное — здоровье! Остальное приложится».

Татьяна Шишова,
психологи,
члены Союза
писателей России,
соучредители
Фонда социально-
психического
здоровья семьи
и ребёнка

Чуть ли не самая частая вывеска в современной Москве — «Аптека». Иногда приходится две аптеки на один дом. А вот булочные, которые раньше были на каждом углу, почти исчезли. Нет, хлеба-то пока, слава богу, достаточно. Его можно купить и в обычном продовольственном магазине, и в супермаркете. Дело в символической замене: лекарства стали важнее хлеба.

Вы скажете: «Народ у нас гнилой, потому и аптек так много».

Но принимают лекарства не только больные, а и здоровые. Для профилактики. Ведь пищевые добавки, распространившиеся в последние годы, — это не что иное, как непроверенные лекарства. Назвал добавкой — и можно не проводить клинических испытаний. Утвердил — и выбросил на рынок. Пусть доверчивый потребитель ест себе на здоровье. Недаром они называются пищевыми.

Мания здоровья не обошла и школу. С невероятной скоростью стали плодиться авторские программы валеологии («vale» по-латыни — «будь здоров»), программы здорового образа жизни. Наряду с уроками математики, физики и литературы появились уроки здоровья, на которых учащимся рассказывают, как ухаживать за кожей и волосами, как следить за правильной работой гипофиза и «слушать пение кишок» (цитата из одной популярной программы для первоклассников).

О том, что такие уроки здоровье отнюдь не укрепляют, поскольку повышают уровень тревожности, способствуют возникновению ипохондрических неврозов и усугубляют уже имеющиеся психосоматические заболевания, мы когда-то писали, повторяется

не будем. Нас сейчас интересует другое — идеология этих программ. А она во всех, независимо от авторов и названий, одинакова: «Человек не может быть счастлив, если у него проблемы со здоровьем. Только идеально здоровый человек может обрести полноту счастья». В некоторых программах это декларируется прямо, в остальных подразумевается.

Как принято выражаться, «мне это что-то напоминает». Собственно, та же идеология положена в основу «планирования семьи», адепты которого неустанно твердят, что каждый ребёнок должен быть здоровым и желанным.

Правда, они на этом не останавливаются, а делают логический вывод, что нездоровым и нежеланным на свет появляться не стоит. Ведь они будут несчастны, а человек создан для счастья. Поэтому гуманно прекратить их страдания буквально в самом зародыше.

Современное западное общество настолько пропиталось этим «гуманизмом», что он проник и в тамошнюю православную среду. Даже такой авторитет, как митрополит Антоний Сурожский, выступая в последние годы своей жизни на радио «Би-Би-Си» и на встречах с верующими людьми, говорил следующее¹: «...мне кажется (и за это меня, вероятно, многие осудят), что законно прибегнуть к контрацепции, то есть не дать ребёнку родиться в такие обстоятельства, где он встретит только страдание, изуродование жизни, смерть, в жизни которого не будет ничего светлого...

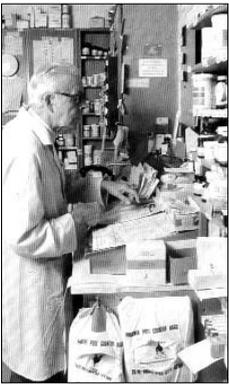
Совсем другое дело — аборт. Аборт — это убийство. Об этом и говорить нечего. Я знаю, в некоторых медицинских случаях приходится прекратить жизнь ребёнка, потому что иначе и ребёнок, и мать погибнут, но это — медицинская проблема. Когда, например, зарождается урод, который не может родиться или который может убить мать и себя, я глубоко убеждён, что справедливо не дать ребёнку родиться, если не будет ему дана возможность войти в жизнь, а не полусмерть, не в погибель. Но это не

должно быть связано со страстной, безответственной жизнью... Есть ещё один вопрос: дети, которые рождаются ущербными — или физически изуродованными, или психически неполноценными... Вот тут вопрос очень сложный. Некоторые женщины настолько хотят ребёнка, что готовы идти на то, чтобы родился ребёнок, который заведомо будет всю жизнь страдать физически или психически. Они идут на это потому только, что «хотят иметь ребёнка». Это мне кажется чисто эгоистическим подходом, такие матери о ребёнке не думают. Они думают о своём материнстве, о том, как они изолят на этого ребёнка свою ласку и любовь. Но многие из таких матерей не знают, способны ли они ласку и любовь проявить к ребёнку, который вызывает физическое отвращение, ужас».

Конечно, если стоять на позиции примитивного рационализма (а рационализм всегда в той или иной степени примитивен), больной человек счастливым быть не может. Он ведь столько лишён. Ему не дано в полной мере наслаждаться жизненными благами, удовольствиями, которые доступны здоровым.

Впрочем, и тут, если вдуматься, рационализм даёт осечку. Теоретически — да, боль терпеть людям не хочется, а хочется иметь здоровые зубы, здоровые ноги, здоровый желудок. Но кроме потребности в телесном комфорте, у человека есть ещё потребность в любви. И эта потребность уж во всяком случае не меньшая (а может, и большая). Иначе не страдали бы так даже вполне здоровые и ухоженные детдомовские дети, лишённые материнской ласки. В медицине есть специальный термин, обозначающий болезненное состояние, вызванное недостатком родительской любви, — «депривация». У ребёнка с депривацией могут возникнуть на нервной почве самые разные расстройства. В том числе и болезни органов.

А как часто слышишь от родителей, у которых есть ребёнок-инвалид, что они его почему-то любят больше своих здо-

1

Цит. по кн.: Зорин К.В. Что такое «наследственная порча». М.: «Русский хронограф», 2004. С. 290–293.

ровых детей. Они и сами не понимают, в чём тут секрет, ведь с рациональной точки зрения это абсурд: такой ребёнок требует гораздо больше усилий и затрат, которые к тому же никогда не окупятся, поскольку он не будет надёжей и опорой в старости, не совершит ничего выдающегося, скорее всего не продолжит род и даже неизвестно, доживёт ли до зрелого возраста. И всё равно его любят и жалуют больше, чем здорового. Отчего другие дети нередко очень страдают. Порой они даже мечтают заболеть (а то и симулируют болезнь!), как бы пытаясь занять место больного любимца семьи.

Так что сцепка «счастье — здоровье» не столь безусловна, как кажется на первый взгляд. Правда, с одной оговоркой: сказанное справедливо для традиционного общества, в котором милосердие и защита слабых — одна из базовых ценностей, безоговорочная этическая норма. Такое общество (не только христианское) современные культурологи называют «тёплым обществом лицом к лицу».

Однажды мы слышали очень интересное выступление на конференции в Архангельске. Докладчик, настоятель университетского храма во имя св. прав. Иоанна Кронштадтского о. Евгений (Соколов), иронизируя над тем, что здоровье сегодня становится чуть ли не главной ценностью, вспомнил такой случай. Когда один важный чиновник сказал ему дежурную поздравительную фразу типа «Главное — здоровье, остальное приложится», священник огорошил его довольно неожиданным ответом. А вернее, вопросом: «За что вы меня так не уважаете?» Чиновник, понятное дело, изумился. Дескать, как не уважаю? Тогда о.Евгений продолжил: «Для кого важнее всего здоровье? Например, здоровые зубы?»

Немного подумав, чиновник ответил: «Ну, не знаю... наверное, для волка».

— Верно, — кивнул батюшка. — А ноги? Кто с переломанной лапой не убежит от волка?

— Заяц, — сразу угадал собеседник.

— Но я же не волк и не заяц, а человек! — заключил о. Евгений. — Зачем же меня приравнивать к бессловесной твари?

Зал весело рассмеялся, и докладчику, собственно, уже необязательно было делать вывод о том, что здоровье — главная ценность *животного* мира. И подхватывая эти псевдогуманные, а на самом деле очень коварные лозунги, мы невольно низводим человека, созданного по образу и подобию Божию, до уровня зверя.

Впрочем, и в животном мире царят не такие уж звериные законы неумолимого отбора, как те, о которых нам рассказывали на уроках «научного дарвинизма». Здоровые самцы оленей в минуту опасности становятся кругом, заслоняя и защищая (подчас ценой собственной жизни) не только самок и детёнышей, но и вроде бы бесполезных, старых и увечных сородичей. А чего стоят крысы-«звёзды», сросшиеся хвостами, абсолютно беспомощные и предоставляющие собой обузу, поскольку они ни кормиться, ни передвигаться сами не могут, находясь в состоянии глубокой инвалидности! И тем не менее, остальные крысы, этот символ злобы и беспощадности, не уничтожают «сиамских близнецов», а берут их на полное социальное обеспечение: кормят, поят и бережно переносят с места на место в период миграции.

Выходит, и сравнение с животным миром не в пользу человека, который постепенно превращает здоровье в главную ценность? А если это не просто озверение, тогда что же? Какие ещё аналогии могут прийти на ум?

Может быть, поклонение здоровью — это что-то вроде языческого культа? Сейчас много говорят о возрождении язычества, о неоязыческих тенденциях в современной культуре. И на первый взгляд, это похоже на правду. Здоровье — главное божество. Что-то вроде Зевса. Тогда его жена — богиня Медицина. И есть целый пантеон более мелких, отпочковавшихся от них божков:

Фитнес, Стоматология, Тренинг общения, Массаж, Пластическая хирургия... То, что раньше было обычными элементами жизни (например, массаж или поход к зубному), стало приобретать выразительно культовый характер. И сейчас уже никого не удивляет словосочетание «целительские секты». Хотя вывески у них могут быть самые разные. И, конечно же, слово «секта» там не присутствует. «Трансцендентальная медитация», центр йоги «Крылья совершенства», «Рэйки» — «Система естественного исцеления Усуи», школа Норбекова, методика Акбашева, «Детка» Порфирия Иванова, валеологические школы и направления... От классических медицинских школ и направлений эти отличаются наличием особой духовной составляющей. По сути, каждая такая секта во главе со жрецом-гуру предлагает пациенту не просто лекарства для лечения ног, спины или глаз, а пытается приобщить его к своей вере, которая непременно отличается от традиционных религий.

Это не всегда предъясняется сразу. Человек, приходящий лечиться, как правило, поначалу не догадывается, что попал в секту. Сперва ему сообщают об оригинальной медицинской методике, которая незаметно, но неуклонно перерастает в оригинальное вероучение. А иногда подоплёка обозначается с самого начала. Так, в одной из школьных программ по валеологии с простотой римлянина заявлялось: «Валеология — религия XXI века».

Аналогия с язычеством прослеживается и в отношении к неполноценным детям. Тенденция детских жертвоприношений на алтарь здоровья видна сегодня отчётливо. Всё больше стран под давлением вездесущего мирового сообщества узаконивает убийство нерождённых детей, мотивируя это нездоровьем, нежеланностью младенца или угрозой для здоровья женщины. Гарантия сохранения жизни родившихся детей сегодня тоже висит на волоске. Питер Сингер, известный западный философ, преподающий биоэтику в Принстонском университете и даже, кажется, возглавляющий какой-то биоэтический комитет, получил от тамошних инвалидов отнюдь не метафорическое прозвище «Доктор Смерть». За что? За смелый гуманистический проект. Сингер предложил узаконить убийство детей-инвалидов до года. А чтобы не вступать в противоречие с Декларацией прав человека, заменить оные «правами личности». Зачем? Кто-нибудь пожмёт плечами: мол, какая разница? А разница есть, причём немалая. В психологии считается, что первое осознание ребёнком себя как личности происходит около полутора лет. Так что Сингер ещё делает широкий жест, ограничиваясь годовой планкой. Потом, конечно, возрастной ценз может быть повышен.

Вы скажете: «Мало ли какой сумасшедший какую глупость «смозрит»?»

Но слово поистине творит реальность. А наше время отличается ещё и тем, что промежуток между злыми словами и чёрными делами мы почти не наблюдаем. В данном случае не

прошло и десяти лет, как в Голландии, стране, по загадочным пока для нас причинам ставшей одной из главных экспериментальных площадок «нового мирового порядка», в 2004 г. было выпущено специальное руководство по «милосердному убийству» неизлечимо больных младенцев. А вскоре выяснилось, что тактовые убийства уже осуществляются — детям дают смертельные дозы седативных препаратов.

Разве столь рекламируемая сейчас фетальная терапия («fetus» по-латыни — «плод») чем-то принципиально отличается от лечения, которое практиковал языческий император Тибериус? Для него резали уже рождённых младенцев, чтобы он мог принять ванну из их крови. А для нынешних «хозяев жизни» убивают детей в утробе матери, поскольку добытые из них препараты якобы способствуют оздоровлению. А в многочисленных газетных рекламах это зверство называется «медициной XXI века».

В общем, аналогия с язычеством вроде бы полная. Но только на первый взгляд. Разница в том, с чего мы, собственно говоря, начали: здоровье стало для современного человека главной ценностью. А в языческом мире здоровье главной ценностью не являлось. И даже не было специального бога здоровья! Бог войны был, богиня любви была. Как и богиня плодородия (в понятие которого входило, естественно, и чадородие). Был бог торговли, бог морских глубин, бог смерти, бог кузнечного дела и богиня правосудия, богини памяти, балета, судьбы... Кто-нибудь, конечно, вспомнит про Асклепия, или, как называли его римляне, Эскулапа. Но и он не был богом здоровья, а считался покровителем врачей. Так сказать, корпоративным боссом.

И это не случайно. Разве можно поклоняться здоровью и одновременно ставить превыше всего воинскую доблесть, отвагу, служение Родине? Без колебаний бросаться в бой, жертвовать жизнью и... дважды в день мерить давление. Безусловно, хорошее здоровье приветствова-

лось в языческом мире («В здоровом теле — здоровый дух»), но не в качестве самоцели, а чтобы лучше воевать, лучше работать, рожать больше детей.

Чего стоил один только гордый девиз «Со щитом или на щите!». Где тут место культу здоровья? Даже рабы-гладиаторы, которым, наверное, не хотелось умирать на потеху публике, вынуждены были, подчиняясь культурным установкам эпохи, стоически восклицать, проходя перед трибуной правителя: «Идущие на смерть приветствуют тебя!» В обществе, поклоняющемся здоровью, такое было бы невозможно.

А что сейчас? Для чего надо быть здоровым? Чтобы стать многодетной матерью? Какое там! И одного-то ребёнка рожать небезопасно: зубы разрушаются, почки страдают, кожа на животе растягивается, грудь обвисает. А токсикоз — так тот вообще может быть смертелен! (Мы не шутим, именно так сегодня пишут в «гламурных» женских журналах.) Об армии и войне лучше вообще не заикаться — сочтут полоумным. Нет, конечно, приёмами каратэ, ушу или айкидо овладеть полезно. Для самообороны. То есть опять же для защиты собственного здоровья, собственной жизни.

Но, может быть, здоровье нужно для плодотворного мирного труда на благо Отечества? Что за идиотский пафос, возразят вам. Хороша та работа, которая приносит больше денег и отнимает меньше сил. В идеале надо бы вообще не работать, а только получать денежки. Но это если уж очень повезёт.

А кто будет возражать против такого, например, письма, опубликованного в журнале «Здоровье от природы»² в разделе «Письмо номера» и озаглавленного «Самая благоразумная»?

«Мне 21 год, а я уже очень серьёзно отношусь к своему здоровью. Мой организм не принимает ничего химического, всё только натуральное — травяной чай, соки из овощей и фруктов. Каждое утро я обливаюсь ледяной водой и протираю лицо кубиками льда из зелёного чая.

Стараюсь меньше умываться водой из-под крана. Иногда балую свою кожу минеральной водой, которой я орошаю лицо из спрея. Чтобы хорошо выглядеть, надо соблюдать несколько простых правил и ни в коем случае их не нарушать. Во-первых, никаких сигарет и алкоголя. Во-вторых, должна быть сбалансированная диета. Я не ем мясо, зато ем много зелёных овощей, петрушки, укропа, салата. Кроме того, я не пью кофе, не ем ничего сладкого, мучного, жирного. Мне удалось сократить до минимума потребление соли. Ей я предпочитаю лук, чеснок, соевый соус. А, вообще, самое главное — это слушать свой организм, быть с ним единым целым. Надо помнить, что мы — часть огромного мира, природы».

Ну, правда же, идеальная современная девушка? Она могла бы стать живым экспонатом выставки «Здоровый город» или лидером движения «За здоровую Россию». Разве что психиатр мог бы заподозрить в этой несколько преждевременной увлечённостью здоровьем не совсем здоровое состояние психики. Хотя если в «здоровой России» будет принято с малолетства «слушать пение кишок» и вообще проявлять повышенное внимание к работе организма, тогда всё в порядке.

А вот пример из того же ряда, но более гротескный, а потому пока что опознаваемый как «сдвиг по фазе». Молодой женщине изменил муж. Она в негодовании. Но не потому, что её мучает ревность.

— Я абсолютно не ханжа, понижаю и принимаю сегодняшние правила игры. Мужская физиология требует разнообразия, с этим не поспоришь. Но как он посмел меня заразить? Он же знает, как я слежу за здоровьем, как для меня важно быть абсолютно, идеально здоровой. Нет, этого я ему никогда не прощу! Пусть бы изменял, но с соблюдением правил гигиены.

Можно было бы подумать, что, потеряв от обиды и возмущения голову, бедная женщина просто несёт что-то

несусветное. Но монолог на этом не заканчивался, и в нём была своя, вполне выстроенная логика.

— Я его и сама не люблю и никогда не любила. Но пока разводиться не собираюсь. Сыну всего 9 лет, я его одна не потяну. А когда мальчик подрастёт, поступит в институт, я найду себе другого мужа, более перспективного. Но для этого надо быть в идеальной форме, иметь товарный вид.

Вот они, ключевые слова: «товарный вид»!

И что же нам этот ключ откроет? Может быть, как раз ту самую дверь в неязыческую реальность? Но разве отношение к своему телу как к товару типично для язычества? В какой-то степени — да, но лишь в той, в которой язычество связано с рабовладением. Раба действительно считали товаром, и чтобы продать повыгодней, старались придать ему соответствующий вид.

Когда практически всё в обществе начинает рассматриваться в аспекте потребления, то всё становится товаром. Не только чашки, диваны, машины и дачи, но и люди. Недаром нам уже лет пятнадцать с паранойяльным упорством вбивают в голову, что человека всегда можно купить. Если он не продаётся, значит, просто мало дали. Вопрос только в цене. Других вопросов нет.

В Америке, которую можно смело назвать «королевой потребления», давно уже принято говорить о человеке, что он стоит столько-то. И никого это не обижает. Чем дороже, тем больше уважения.

Итак, человек становится товаром. Но товар — и это внушается с не меньшим упорством — должен быть суперновым. Если вещь хоть чуть-чуть изнасилась, с ней надо без сожаления расстаться, выбросить на помойку. Какой смысл чинить, если можно тут же купить новую, ещё моднее, ещё совершенней?

Совсем недавно мужа, бросающего жену, которая заболела раком, презирали, считали подонком. Теперь же... Нет, конечно, это ещё не норма. Такой поступок нуждается в оправданиях, но они находятся без труда. Дескать, зачем губить две жизни и т.д. Легко себе представить, что через некоторое время подобные оправдания уже не будут нужны.

А вот сентенции типа «лечись, кому ты будешь нужна больная» уже стали нормой. Причём говорится это обычно от чистого сердца, с лучшими намерениями. Такой добрый совет может дать любящая подруга или даже мать. И в этом совете уже практически не содержится ни сарказма, ни даже осуждения жестокосердного общества. Нет, это спокойная констатация новой реальности и готовность осудить близкого человека, который не понимает, что этой реальности следует соответствовать.

— Как ты ходишь? Сделай нормальные зубы! Тебе же на работу устраиваться, — говорят мужчине, который идёт вовсе не в концертное объединение на ставку конферансье, вынужденного по долгу службы улыбаться во весь рот.

А уж если хозяин фирмы уволил сотрудника, который часто болеет, так это вообще в порядке вещей! Какой дурак будет держать доходягу, когда можно взять молодых, здоровых? Зачем старая вещь, когда можно купить новую? Зачем держать больного, если, только свистни, прибегут здоровые? Зачем донашивать потёртые брюки, если вышел на улицу и на первом же лотке купил новые, и недорого?

Здоровье становится тождественным новизне вещи. Вещь покупают новую, а человека — здорового. Это касается всех слоёв общества. Например, в новой реальности в состав бизнес-элиты входят управляющие высшего звена, называемые топ-менеджерами. Это очень богатые по сравнению с простыми смертными люди. По своим финансовым возможностям они вполне могли бы в прежние времена завести рабов. Но и над ними висит дамоклов меч увольнения в случае пошатнувшегося здоровья. Чтобы успешно выполнять свои функции, они должны быть в хорошей форме.

Товарно-потребительский подход коснулся даже властей предрежащих. Моржевание, теннис, резвый бег по футбольному полю... Наш мысленный слух уже улавливает реплику: «Ну, вы даёте! По-вашему, хорошее здоровье политику не важно? Пускай будет развалиной, да?»

Рискуя навлечь на себя читательский гнев, всё-таки смеем утверждать, что телесное здоровье для государственного деятеля, конечно, желательно, но необязательно. Паралитик Черчилль, по отзывам историков, неплохо правил своим государством. А «теннисист» Ельцин вместе с Горбачёвым наше государство разваливали с истинно спортивной прытью.

Давайте отвлечёмся от современных стереотипов и спросим себя: какие качества во все времена и во всех культурах читались наиважнейшими для государственных мужей? Ну, конечно, прежде всего мудрость. Поэтому, если трон занимал малолетний наследник, королевством управлял регент. А если юноша, это вы-

зывало тревогу подданных: молод, горяч, может «наломать дров».

Такие понятия сохранялись до конца 80-х годов теперь уже прошлого столетия. Что мы постоянно слышали о наших правителях? Мудрый Ленин, сверхмудрый Сталин («Сталин думает за нас»), мудрая-премудрая партия. Пожалуй, только одна форма нездоровья лишала властителя авторитета: слабоумие.

Именно поэтому так издевались в советских анекдотах над бедным Брежневым.

Затем произошла хитрая подмена. Будто при стремительной переброске из «застоя» в «перестройку» обрели прилагательное «умственное» и осталось только «здоровье». В 1996 г. имиджмейкеры первого президента свободной России уже не считали нужным придумывать ему какие-нибудь умные речи или хотя бы заявления, а заставили перед переизбранием для поднятия рейтинга публично отплясывать рок с шунтами в сердце.

И народ в массе своей заглотил эту наживку. Не в том смысле, что все дружно побежали голосовать за Ельцина.

А в том, что не подвергли сомнению саму постановку вопроса: кандидата в президенты предлагалось оценить не по его умственному или душевному здоровью, а по физической форме (дескать, во какой крепкий мужик, после двух инфарктов так лихо рок «отрывает»!).

Пока ещё картина «прекрасного нового мира» не явлена нам во всей своей красе. Она полуприкрыта завесой традиций. Но завеса эта становится всё более тонкой, прозрачной. Скажем, запрет на торговлю органами — это ещё дань традиции. А вот что касается клонирования органов, с этим мы, похоже, имеем общественный консенсус. Кто будет возражать против выращивания на продажу почек, печени, сердца, руки, ноги? Разве что с клонированной головой может выйти заминка.

Когда же завеса традиций окончательно будет сдёрнута, больные люди, не имеющие денег на «ремонт» или «ремонту» не подлежащие (ведь далеко не

все ещё болезни научились лечить), будут списаны как бракованный товар. Существование по этим новым законам очень доходчиво показано в популярных сейчас антиутопиях Ю. Вознесенской, живущей на Западе и потому наблюдающей глобалистский проект в более продвинутом варианте. Герой её романа «Паломничество Ланселота», юноша в инвалидной коляске, заранее оповещён о сроке принудительной эвтаназии. Она грозит ему в 25 лет, а когда он теряет работу, срок сокращается ещё на 2 года. И ни он сам, ни его немногочисленные близкие не подвергают сомнению законность такого фашизма, а лишь судорожно ищут способы исцеления. Не стоит утешать себя тем, что это измышления автора и что на самом деле в западных странах — да и то не во всех — эвтаназия добровольная, а не принудительная. Очень многие вещи, которые казались нереальными ещё вчера, сегодня уже настолько привычны, что воспринимаются как бывшие от века.

С другой стороны, не стоит и впадать в уныние. У православных противников глобализации, например, есть единый компас — учение Церкви не плод чьих-то досужих домыслов, а истина, данная нам Богом через Его святых.

Как же учит христианство относиться к здоровью? Вопрос этот теснейшим образом связан с вопросом о смысле жизни. Для христианина он лежит совсем в другой плоскости и находится за пределами жизни земной. Это *стяжание Духа Святаго и спасение души для жизни вечной*. И здоровье вовсе не есть залог этого спасения. «...все необходимые (для спасения) духовные добродетели, корень и основание которых есть чистота сердца, совершаются при помощи одной только духовной энергии нашей разумной души, не нуждаясь для своего выполнения в теле. Поэтому и увечные, и больные, и неподвижные телом чрез эти добродетели, посредством душевного действия, могут благоугодить Богу», — поучал преп. Анастасий Синаит, святой, живший в VII веке³.

3

Святоотеческая христология и антропология. Пермь: Православное общество «Панагия», М.: Православно-просветительский центр «Пересвет», 2003. С. 18.

И вот что мы наблюдаем в современной жизни: отменное здоровье, дающее человеку силы не столько на подвиги, сколько на удовлетворение разнообразных страстей, нередко уводит его от Бога, препятствует спасению. А поворот к Богу начинается как раз, когда здоровье пошатнётся, порой очень серьёзно. Тогда-то, поскольку немощ мешает полнокровной жизни тела, появляется время остановиться, оглядеться, подумать о чём-то, выходящем за пределы сиюминутных житейских проблем.

Конечно, мы, приветствуя кого-то при встрече, всегда желаем ему здоровья («Здравствуй!»). И Церковь молится о здравии своих чад. Но одновременно — помните «Покаянный канон ко Господу Иисусу Христу»? — предупреждает: «Не уповай, душе моя, на телесное здравие и на скоромимоходящую красоту».

В книге «Семейная жизнь»⁴ тема здоровья вовсе не основная, но там много простых, понятных и очень мудрых поучений о том, как должно человеку относиться к своему здоровью и недугам. Так, в одном из разделов с подзаголовком «Правильное отношение родителей к увечью своих детей» читаем⁵:

«Есть такие матери, — говорит старец Паисий, — которые, узнав во время беременности, что ребёнок родится увечным или умственно отсталым, делают аборт и убивают своё дитя. Они не думают, что у этого ребёнка тоже есть душа. Многие отцы приходят и говорят мне: Мой ребёнок будет ущербным? Почему Бог делает так? Я не могу этого вынести». Какое же бесстыдство по отношению к Богу несёт в себе такое отношение, какое упрямство, какой эгоизм!»

Старец Паисий вовсе не идеализирует тяжкую участь ребёнка-калеки и его близких, не закрывает глаза на страдания. «Как же мучаются несчастные матери, имеющие умственно отсталых детей. Эти дети постоянно устраивают шумные сцены, всё пачкают... Настоящее мученичество!» — пишет он. И всё же он убеждён: «...таким детям Праведный Бог даст

и что-то большее, потому что в жизни земной они были много лишены»⁶.

Люди, далёкие от православия, могут воспринять подобные поучения старца как нечто очень оторванное от нашей повседневной реальности.

Не в назидание ли скептикам и тем, кто готов согласиться с глобальным переустройством мира, в котором больным и немощным уже не будет места («Зачем плодить уродов и продлевать жизнь калекам? Чтобы они мучились и мучили других?»), не в назидание ли всем нам, возведшим здоровье в абсолют, Господь в XX веке так часто являл чудеса именно через самых немощных, больных, самых, казалось бы, никчемных людей?

Ярчайший тому пример — блаженная Матрона Московская, одна из наиболее почитаемых святых последнего времени. Она была не просто незрячая от рождения. У неё, как у евангельского слепца, даже не было глазных яблок. А в семнадцать лет ещё и отнялись ноги.

Как будто специально для современных женщин предание сохранило сведения о том, что Матрона была нежеланным ребёнком. «При той нужде, в которой жили Никоновы <родители Матроны. — Авт.>, четвёртый ребёнок мог стать прежде всего лишним ртом. Поэтому из-за бедности ещё до рождения последнего ребёнка мать решила избавиться от него, — повествуется в книге «Житие и чудеса святой праведной блаженной Матроны Московской»⁷. — Об убийстве младенца во чреве матери в патриархальной крестьянской семье не могло быть и речи. Зато существовало множество приютов, где незаконнорождённые и необеспеченные дети воспитывались за казённый счёт или на средства благотворителей. Мать Матроны решила отдать будущего ребёнка в приют князя Голицина в соседнее село Бучалки, но увидела вещий сон. Ещё не родившаяся дочь явилась Наталии во сне в виде белой птицы с человеческим лицом и закрытыми глазами и села ей на правую руку. Приняв сон

Икона Блаженной Матроны Московской

4

Семейная жизнь.
М.: Издательский дом
«Святая Гора», 2004.

5

Там же. С. 267.

6

Там же. С. 263.

7

М.: Издание Свято-Покровского ставропигиального женского монастыря, 1999. С. 5.

за знамение, богобоязненная женщина отказалась от мысли отдать ребёнка в приют. Дочь родилась слепой, но мать любила своё «дитя несчастное».

Но как раз это, по мирским понятиям, «несчастное дитя «вскоре стало кормилицей и славой семьи. И именно Матрону, беспомощную калеку, а не кого-то более «полноценного», св. прав. Иоанн Кронштадский назвал своей сменой, «восьмым столпом России».

Поразительна и история Григория Журавлёва, который родился в Самаре, как сейчас говорят, «обрубком» — без рук и ног. А поскольку он был ещё и девятым (!) ребёнком в семье, естественно, пошли разговоры про лишний рот.

Но одна прозорливая старлица предсказала родным Григория, что именно этим ртом он и накормит всю семью. Как часто бывает с предсказаниями, смысл проявился не сразу. Кто бы мог подумать, что Григорий станет церковным художником и будет рисовать ртом?! В музее Самарской семинарии хранятся иконы его письма. А в селе Утёвка он расписал целый храм! Братья держали его на руках, а он держал в зубах кисть. Трудно даже вообразить те муки, которые испытывал этот великий подвижник. По крайней мере, известно, что он полностью сточил себе кистью зубы. А пророчество сбылось буквально: император Александр III назначил Григорию Журавлёву пожизненную пенсию, на которую смогла прожить вся его родня.

Сегодня иногда приходится слышать, что «развелось слишком много старцев». А ведь многие из тех, которых народ почитает за старцев, были тяжё-

лыми инвалидами. И немалая их часть, как принято сейчас выражаться, — «инвалидами детства».

К примеру, Алексей Фёдорович, или, как его чаще зовут, невзирая на возраст, Алёша из Старого Оскола. Самостоятельно он не в силах ни ходить, ни сидеть, ни разговаривать. Люди, которые за ним ухаживают, носят его на руках, как ребёнка. Общается он, показывая буквы на табличке, а его помощники озвучивают то, что он хочет сказать.

Но духовная сила старца Алёши так велика, что к нему стекается множество крепких, здоровых людей. За поддержкой, советом, молитвой. Так кто в ком больше нуждается: он в людях или люди в нём? Ему достаточно одного-двух опекунов, а его помощи жаждут тысячи. Поистине, «сила моя в немощи совершается...». Господь через таких Алёш будто предупреждает нас, чего лишится мир, если оставит право на жизнь только здоровым и благополучным.

Когда мы писали этот очерк, нам вдруг пришло в голову поинтересоваться, сколько раз в Священном Писании употребляется существительное «здоровье». Оказалось, всего два!

Первый раз, когда Иосиф, увидев братьев, «...сказал: «Здоров ли отец ваш старец, о котором вы говорите?» (Быт.43:27).

И второй раз — в Притчах Соломоновых: «Не будь мудрецом в глазах Твоих, бойся и удаляйся от зла; это будет здравием для тела и питанием костей твоих» (Пр.3:7-8).

Такой рецепт здоровья даёт нам Библия. **НО**

Икона Спасителя
в Церкви Святой
Троицы в с. Утёвка
художника
Г. Журавлёва

